

Иван Шмелев

История села

Мотовилово. Тетрадь № 3

«ЛитРес: Самиздат»

1976

Шмелев И. В.

История села Мотовилово. Тетрадь № 3 / И. В. Шмелев —
«ЛитРес: Самиздат», 1976

Дневник русского крестьянина, в котором он описал историю родного села Мотовилово Арзамасского района Нижегородской области. Тетрадь 3: детские воспоминания, рассказы о жителях села, НЭП в крестьянском селе.

Содержание

Детская шалость	6
Детские забавы (1921г.)	8
Яков Забродин	10
Сила Михаила Федотова	13
Заготовка материала	14
Денщики и воры	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Тетрадь № 3

Детская шалость

Уехали отец с матерью в поле овес докашивать, дома осталась домовничать бабушка Евлинья с ребятишками Минькой, Санькой, Манькой, Ванькой и Васькой, который был еще малыш – качался в зыбке.

Сначала Минька с Санькой выполняли задание отца: примостить в поленницу дрова около двора, натаскать с озера воды, нарыть и намыть картошки, а потом заниматься своими делами, кто чего хочет.

Выполнив задание, ребята собрались в верхней комнате и, прочитав несколько статей в книжке «Мир божий», принялись играть, а где игра там и драка.

Манька ушла к своим подругам в куклы играть, а Минька с Санькой, натешившись в игре в скрадку, потом снова взялись за книжку, но дело не обошлось без драки. Первым книжку схватил Санька, у него из рук с силой ее выхватил Минька, и пошло-поехало: Санька в Миньку сапогом, а он в него чернильницей, а она в него не попала, а угодила в окно. Стекло со звоном дзинькнуло – дыра во все верхнее звено. Сразу же игра и драка прекратились. Бабушка принялась их отчитывать и ругать:

– Ах, вы, супостаты, вот приедет отец, я все ему расскажу! Что вы все прыгаете да беситесь, как ахилы, что у вас в задницах червяки возятся, посидеть на месте не дают! Я вот возьму прут, да вам по жопам-то и надаю! – вышедши из терпения, угрожающе увещевала она ребят.

– Нет, с вами я домовничать больше не останусь, лучше в поле поеду! – с обидчивостью добавила она.

Докосив овес, к вечеру из поля возвратились старшие. Раненько поужинав, Василий вышел во двор. Подобрал оброненное около яслей сено, он бросил его лошади, хозяйским глазом осмотрел приложенные ребятами дрова, не торопясь вышел из ворот на улицу. Поглядев на заходящее солнышко, он взгляд свой перевел на свой дом и сразу ахнул: у верхней избы у переднего окошка все верхнее звено выбито. Он – в избу и прямо с порога грозно:

– Эт кого угораздило окошко-то разбить!? А! – в голосе его негодование и угроза. Ребятишки настороженно, смиренно затихли, выжидающе устремились на отца. У Саньки даже выпал из рук лапоть (он в это время разувался). Мать, чувствуя разгоряченность отца, сразу же вступилась за ребят:

– А может, кто камнем с улицы? – стараясь выгородить их, с тревогой в голосе проговорила она.

– Нет, не с улицы, осколки-то в палисаднике валяются. Иди, сама удостоверься! – раздраженно бросил Василий. – А ты вечно их защищаешь! – укорял он ее. – На улице-то скоро зима, а окошко разбито, где стекло-то взять, в потребилке его и заводу нет. Стекло-то нынче зря-то не вставишь! – продолжал напевать он. – За стекольщиком надо три дня ходить, да и он из себя вычупендривает, то стекла у него нет, то замазка засохла, то алмаз испрокудился.

– Неужель ты, мамк, не видела, кто разбил? – обратился он к старухе. Бабушка, решив не выдавать виновника, сокрушенно оправдывалась:

– Да рай углядишь за ними и разберешь, кто виноват? Тут и посторонние были, устроена была целая война! – стараясь утихомирить пыл сына, высказалась она. Не остыв еще от зла и досады, отец пообещал детям:

– А вы, идолы, так и знайте – кто разбил, того задницей разбитое окошко заткну!

Не любил Василий того, что ребятишки уже взрослыми стали, а все еще в школу ёндают. Пора бы уж и за дело браться, а они бегают, как лызгачи, только лапти понапрасну носят. Иногда он наговаривал своим детям:

– По-моему, так проучился зиму, ай две и хватит. Я вот ползимы проучился, и то больше вашего понимаю. Особенно ты, Миньк, ведь тебе уж четырнадцатый год попёр, а ты все в училищу шлепаешь! Не пора ли бросать, а? – Минька, почесав в затылке, самодовольно улыбнувшись, согласился:

– Я бы не против, да она мне и надоела, учёба-то!

– Ну, вот и давно бы так! – приветственно усмехнулся отец. – А Санька пускай ходит, он в какие-то ученые метит! – с недовольством заметил он.

А мать наоборот, всячески поощряла ученье своих детей. Никогда не упрекала их за чтение книг в неурочное время, и сама иногда гордилась тем, что в свое время преуспевала в школьном ученье, за что была награждена платком. Она своих детей, школьников Саньку и Ваньку, даже экзаменовала, спрашивала:

– Вот, я вам задам задачу – проверю вашу способность: А и Б сидели на трубе, А упала, Б – пропала, что осталось на трубе?

Отец же терпеть не мог, когда видел, что кто-нибудь из его детей «торчит» за книжкой – учись в школе, а чтоб дома этим заниматься, про это забудь!

Детские забавы (1921г.)

В свободное время выбежит из изб обоих порядков, с половины Главной улицы, целая ватага ребят и затевает разнообразные игры, весёлые забавы и драки. Эта ватага состояла из около тридцати человек: Минька, Санька, Ванька, Михаил, Ванька, Панька, Сергунька, Санька, Алеша, Мишка, Панька, Ромка, Ванька, Васька, Мишка, Яшка, Санька, Витька, Колька, Ванька, Стёпка, Колька, Васька, Гришка, Колька, Санька, Федька. От такой шумной оравы на улицах стон стоит. Кто чем забавляется, и кто во что горазд занимается: кто в прятки играет, кто в лапту, кто в чушки, кто в «попа», кто шары катает, кто колёсико по дороге гоняет, кто в «лапти» играет, кто на соломе кувыркается, а кто «показывает Москву».

Как-то глубокой осенью вздумали провести «телефон» с порядка на порядок. У Федотовых в огороде рос хмель. За лето он высоко вскарабкивался на длинные жерди, а осенью, оборвав с него душистые пьянящие шишечки, хозяйева отдавали пружинисто вьющиеся длинные лозы на потеху ребятам. Предварительно очистив лозы от листьев, ребята связали их в один длинный провод. Сергунька залез на росшую под окном их дома берёзу. Ему подали один конец «провода», он закрепил его, завязав на сучок, а другой конец, перетянув провод через дорогу и подняв вверх, привязали за ветлу, стоящую у Селиванова окошка. Восторга и радости было не есть конца. Ребята, восторгаясь, прыгали и кричали: «Телефон! Телефон!»

– Эт вы чего тут делаете, греховодники! – закричал на ребят вышедший из своей избы Семион Селиванов. – Иль хотите у меня всю ветлу обломать! Я вот вам сейчас задам! Убирайтесь отсель прочь! – не унимаясь, ворчал Семион.

– Да мы не ломаем твою ветлу, а только привязали за ее телефон! – упрощающе оправдывались ребята.

Полюбоваться детской забавой вышли из своих дворов Василий Савельев и его шабёр Иван:

– Ишь, дьяволята, чего сделали! – восторгаясь, улыбался Иван. – Ешли твою мать, чего выдумали – тилифон! Топерь звоните и переговаривайтесь по нему! – подзадоривал он ребят.

– Да, молодежь стали выдумщики! – с похвалой отозвался Василий. – Не как мы бывало, сиднем сидели до трехлетнего возраста.

Подскочил внезапно Мишка Крестьянинов к Ваньке Савельеву, поддал ему коленкой в зад, проговорил в шутку: «Мать велела киселя дать!». Ваньке показался удар сильным, от испуга и обиды он заплакал. К Мишке подбежал Ваньким брат Минька, угрожающе спросил:

– Ты за что его?

– Это я пошутил! – с озорной усмешкой начал оправдываться Мишка.

– А хошь, я тебе в шутку по зубам съезжу?

– Было бы за что!

– Не связывайся с маленькими – вот за что!

Дальше – больше, заспорили, обзывая друг друга:

– Цыган!

– А ты курносый дьявол!

Тайно подслушивающий спор Минькин отец, подзадорил сына:

– А ты, Минька, дай ему лаптем по шее, он и будет знать. Ишь, он с озорством-то своим, везде суется. Как бандит с ножового завода! – наделял нелестными словами Василий соседского Мишку.

Подзадоренный словами отца, Минька стал действовать смелее. У него устремлено на Мишку напыжились глаза, пальцы сжимались в тугие кулаки:

– Хочешь, я тебе на спишу «загну салазки» то, и будешь ходить вперед пятями! – грозно пообещал он Мишке.

– Видывали мы таких-то! – огрызнулся тот. – Я сам могу отпустить тебе зашейного пластыря!

Эти дерзкие слова вконец вывели из терпения Миньку. Он разъяренным петухом бросился на Мишку, сшиб его с ног и давай намолачивать ему по чему попало. Мишка под ударами заревел, заойкал, волчком завертелся по траве, норовя вырваться и нанести ответные удары. Но Мишка своим напористым натиском не давал ему подняться на ноги, катал его по траве, наделяя его вдобавок пинками.

Натешившись, Минька отступил, отойдя к своему дому. Мишка, поднявшись на ноги, утирая рукавом кровь и подняв кверху руку и оттопырив указательный палец, стал угрожающе выкрикивать:

– Ну, ладно, я тебе припомню!

– Сначала опомнись, а потом припоминай! – с издевкой отозвался Минька.

– Здорово ты его отделал! – похвалил Миньку отец. – Так ему и надо! Знай наших! – горделиво добавил он.

– Мы с ним еще в школе дрались. Он со своим озорством и нахальством частенько в ухо просит! – закончив батальный азарт, победоносно сказал Минька.

Долго они не ладили между собой, затаив злобу, косились друг на друга, а по месту жительства были соседями, шабрами.

Яков Забродин

Славится своим чудачеством Яков Спиридонович Забродин. Всю жизнь он своим поведением и рассказами смешит людей, но сам редко, когда улыбнётся. Бесперывно он служит сторожем. Сначала охранял здание волостного управления, а когда его сломали, он стал сторожем в сельском совете. Во время ночных дежурств время у Якова для наблюдений и размышлений – хоть отбавляй, вот он и занимается разного рода наблюдениями и замечаниями. Он заинтересованно изучал петушиное пение: когда поют, как поют и где поют. Он знал петушиные повадки до мелких подробностей.

Однажды он со всей серьёзностью уверял соседей-мужиков, что он видел одно похожее очертаниями калоши облако, которое дважды проплыло над селом. С вечера оно, по его утверждению, ушло по направлению к Волчихе, а утром снова показалось над Мотовиловом (потому что ветер повернул) и стало удаляться за Веригино. Мужики, было, не верили, смеялись, шутили, но спорить с Яковом Спиридоновичем бесполезно, он безотступно утверждал, что это бело точно, «хоть проверь».

Во время дежурств, находясь в одиночестве, он так же занимался изучением полёта мух, которых в помещении сельсовета было достаточное количество, которых он почти всех знал в лицо. С дежурства он шел по дороге улицы, степенно, не торопясь. В правой руке у него всегда его спутница, загнутая деревянная клюшка, а левой он слегка деловито размахивал. Издали можно подумать, что он рассеивает просо.

Со встречными он с почтённым приклоном степенно здоровался, а иногда ничто ни про что на дороге внезапно останавливался, в полголоса выкрикивал «Извиняюсь!», хотя перед ним никого не было и извиняться было не перед кем.

Спал он преимущественно днем. В просоньи, как лунатик, бормотал несшитницу. Иногда просыпался, босиком выходил на двор, оставляя на побелевшем сенном полу (если это было зимой) свои следы-проталины. Полусонный возвращался в избу и снова заваливался на разостланную на кутнике ватолу, одевшись бабьей овчинной шубой, вскоре снова засыпал богатырским сном. Во всю избу разбрызгивал свой клокочущий храп, издавая звуки, словно он пьёт сырые яйца. Иногда казалось, что он во сне изучает азбуку, и у него никак не ладится дело с буквой «к», которую он повторял раз по ста. Случалось, и такое, что во время сна он, тупо шлепая губами, отдувался, словно дул на чрезмерно горячую пищу.

Когда он, выспавшись, окончательно просыпался, его домашние шутили над ним: какой сон видел, сколько раз на двор сходил и прочее. Он отговаривался и утверждал, что ничего не помнит, а если его донимали расспросами, то он ругался:

– Да перестаньте, чтоб вас разорвало!

За ним водились причуды и странности. Как-то его сосед, живший через один дом, Осип Батманов похвалился, что во время потрошения заколотой курицы он обнаружил в зобу у нее пятирублёвый золотой. Это Якова сильно заинтересовало, и он, решив разбогатеть, придя домой, переколот все имеющихся в их хозяйстве кур и петуха не пожалел. Кстати, жены его, Феоктиньи, дома не было. К великому его удивлению, он не обнаружил в зобах у кур не только золотых, но там не казалось даже медяков. А одна курица (по его рассказам) после того, как он ей отрубил голову, так сильно затрепыхалась, что нечаянно взметнулась на сушилу, угодила в гнездо и снесла, с испугу, сразу два яйца. Пришедши домой, Феоктинья сразу же обнаружила

бессмысленные проделки мужа, беспощадно отчитала его за нерадение к своему хозяйству, за урон. Он же, чувствуя себя безмерно виноватым, молчал.

В молодости Яков также проявлял свое чудачество и ухарство. Желая легко заработать деньги и разбогатеть, подстрекаемый парнями-товарищами, он на спор, один, без боязни в ночное время ходил в поле на большую дорогу целовать верстовой столб. За это получал полтинник.

Во время прохождения военной службы он также не оставлял своего чудачества: как-то спросил его взводный командир:

– Ты что, Забродин, фуражку-то носишь не по-военному, набекрень?

– А мне ее на голову так надел старшина. Я уж поправлять не стану, чтоб не нарушить устава.

А однажды его спросил старшина:

– Забродин, ты что не побреешься, вишь, какую бороду-то отрастил!

Яков деловито провёл ладонью по выросшей щетине, невозмущенно со свойственной ему хладнокровностью, оправдываясь, ответил:

– Да она только сейчас выросла, утром щупал я её, не было!

Во время занятия строевой подготовкой взвод отрабатывал разнообразные приёмы строевого шага. Солдаты ходили и бегали до условленного куста туда и обратно.

Взводный офицер скомандовал:

– Взвод, бегом марш!

Выполняя команду, все послушно побежали, а Забродин остался на месте. Командир недоуменно спросил его:

– А ты что, Забродин, не бежишь?

– А зачем я побегу? Я знаю, что они сейчас обратно сюда прибегут. Так зачем понапрасну туда-сюда бегать, сапоги казенные портить! – невозмущенно и спокойно ответил он.

Жена его, Феоктинья, живя с ним, примирилась с его чудачеством и закомуристыми вычурами, и он ее уважал, не бивал. Разве, когда только под пьяную руку, если чем досадит, он решал ее проучить. Но ввиду того, что Феоктинья была саженого роста, а он низкорослый, и чтоб достать кулаком до ее лица, он подставлял табуретку. Она же покорно стояла и ждала удара, не смея сойти с места, дабы не рассердить вдвойне мужа. Нанося, в таких случаях, побои он нараспев приговаривал: «А жена, да убойся своего мужа!»

Про отца Якова, Спиридона, старики рассказывали иное. Спиридон обладал богатырской силой, была же у него странная привычка. Как только, бывало, подвыпьет, сграбастает свою вечно болезненную старуху Ефросинью и начинает с ней бегать по улице вдоль порядка. Он бегают, резвится, силу избывает, а старухе не до этого – она едва дух переводит от непомерной тряски, от беготни и по-жеребьячьи взбрыкивания мужа. Покорно она сидела «на горшках» у старика, с болью вздыхала и охала, но спрятаться и сорвать эту странную забаву мужа она не отваживалась. Спиридон отыщет, найдёт и тогда свою любезность в беготне будет исправлять еще азартнее. Бегая, он обычно кричал:

– Ну, Ефросинья, держись! Вот как я тебя уважаю и люблю, бесплатно катаю! – и снова вскачь, вприпрыжку пустится вдоль улицы. А старуха после этой бесплатной любезности ухайдаканная, дня по три не сходила с постели, жаловалась подругам-старухам:

– До боков дотронуться больно и внутри скрежещет! Все печенки, наверно, поотрывались!

Старухи сочувственно ахали, осуждающе Спиридона, качали головами...

В Гражданскую войну, в голодовку, Яков с мужиками-односельчанами поехал в Балахну за солью. Раздобыли они там пуда по три соли. Находясь на перроне вокзала и ожидая попутного поезда, мужики от наплыва довольства и радости (достали соли) шутили, балагурили. Перед самым перроном взад-вперед катались товарные вагоны – маневровый паровоз составлял поезд. Тут же торопливо сновали туда-сюда сцепщики-кондукторы. В это время и вздумалось Якову крикнуть:

– Крути, Гаврила!

Этот выкрик показался для сцепщиков оскорбительным. К Якову подскочили двое. Обличив его в нарушении железнодорожного порядка, повели его в станцию с целью наложения штрафа в сумме пятьсот рублей, предусмотренного за подобные нарушения. За Яковом последовал один его товарищ, что будет с ним. Яков, испугавшись и опасаясь, как бы дело не обернулось худшей стороной (могли его задержать надолго и отобрать соль), он согласился штраф уплатить. Но вот беда: в кассе станции не оказалось денег для сдачи с тысячной бумажки, которая осталась у Якова от покупки соли. Как тут быть, вот загвоздка! Из собравшейся толпы зевак кто-то в шутку предложил: «А ты мужик, крикни еще раз «крути, Гаврила», и дело с конца».

И то дело, растерянно и робко согласился Яков, и, желая поскорее разделаться с этой неприятной ситуацией, он уж не столь громко, фальшиво в полголоса крикнул:

– Крути, Гаврила!

Сдача больше не потребовалась. Вся тысячерублевая бумажка пошла в штраф. Вместо денег Яков засунул в свой широченный карман ненавистную для него квитанцию. Толпа, нахально издеваясь над Яковым, злословила:

– Ну, как, мужик, дорого обошелся тебе Гаврила-то? Ха-ха-ха, го-го-го!

– Да! Мать бы его .... – вздыхая, щупал Яков в кармане, ознобом обдающую все его тело, квитанцию. Хотя соль и была благополучно доставлена домой, но злосчастная квитанция долго была предметом воспоминания об оплошном приключении Якова. Он после говаривал:

– Каждый раз, идя на станцию, я вспоминаю про злосчастную квитанцию.

Сила Михаила Федотова

На дворе у Федотовых заспорили. О силе спорили отец Иван с сыном Михаилом. Стараясь друг друга перекричать, они доказывали вся свое:

– Нет, Мишка, не сдержат тебе! – утверждал Иван.

– Нет, сдержу! – петушился Михаил.

– Ну, давай испробуем!

Они через задние ворота в огород вывели лошадь. За лошадью гадюкой ползла привязанная к хвосту лошади возовая веревка.

– Ну, давай, начинаем! – скомандовал отец. Михаил, крепкий телосложением, саженого росту, грудь колесом, кулаки – безмены, обладающий силой Ильи Муромца, цепко ухватился за свободный конец веревки. По-бычиному напыжился, стал упираться ногами в землю. Лошадь вел по тропе к сараю Иван. Михаил, стараясь сдержат ход лошади, упершись, чертил кожаными сапогами землю. Сзади его пролегли две процарапанные каблуками бороздки. Иван, оглядываясь назад, торжествуя усмехаясь, подзадоривал сына:

– Ну, что, силач! Бороздишь! – с ухмылкой в смехе, трясая своей козьей бородкой. – Ну, что, ешли твою мать! Видать, кишка тонка! Мало каши ел! Наша взяла! – подзадоривая, рас-тропаливал он сына.

Михаил молчал, но не сдавался. Изловчившись, он успел закинуть конец веревки за врытый здесь в землю столбик, как удав, извернувшись, присел на корточки, его тело приняло вид завязавшегося живого узла. Он все телом напрыжился. От натуги на нем с треском лопнули штаны, на мускулах в лоскутья расползлась рубаха. Лошадь внезапно остановилась, не в силах перетянуть упершегося в землю Михаила. Как ни горячился Иван, понукая лошадь, она, топчась на месте, не осиливала Михаила.

Присутствующие свидетели дружно закричали:

– Держит! Держит! Не сдавай, Михаил!

Восхищаясь силой, они восхваляли Михаила:

– Силен! Лошадь, и то остановил! Вот это сила, как у богатыря! – дивились люди.

– Сдаюсь! – довольный силой сына, в смехе оскалившись редкозубым ртом, признался Иван. – Силен! Силен! Ешли твою мать! – торжествовал от успеха сына Иван.

А Михаил, одержавший победу своей силой над силой лошади, горделиво стал расхаживать по тропе, разминая натруженные ноги, поглаживая затёкшие от натуги руки. На нем лохмотьями трепыхались на ветру лоскутья от штанов и рубахи, оголяя сбитое в мускулы тело. Иван, продолжая петушиться, словами поощрял сына:

– Вот так сила, весь в меня! – и к Дарье:

– Ну, мать, пора Мишку женить! Сила в нем через край прет! Поди-ка, принеси ему мои молестиновые штаны и мою сатиновую рубаху, а то видишь, парень совсем оголился. Как бы соловей-то не улетел! – закатившись со смеха, добавил он.

Зимой Михаила женили на девке по-совиному глазастой и непомерно маленькой против Михаила. На свадьбе в честь девственности невесты Михаил, на пиру в доме будущей его тещи, со звоном разбил традиционную тарелку.

В доме Ивана Федотова появилась сноха, новый член семьи, новая работница.

– Молодая у нас оказалась такая брезгунья, ничем ее не накормишь! Придётся кормить ее от семьи на особицу, – делясь впечатлениями о своей снохе, сокрушалась Дарья в разговоре с бабами-соседками, которые интересовались, каково житье молодой.

Заготовка материала

После войны народ утихомирился, люди успокоились, тревоги миновали, страсти улеглись. С волками как-будто бы рассчитались, их несколько поубавили, их нахальство укротилось. Народ воспрял духом, люди вострепнулись, остепенено стали браться за дело, обзаводились хозяйством, приобретали лошадей.

Савельев Василий год тому назад сменил свою устаревшую лошадь. Он в Чернухе, за шестьдесят пудов ржи, купил (добротного мерина) мастью серого в яблоках. «Серый» скоро привык к новому хозяину, оказался ко двору и с лошадиным пониманием своего хозяина трудился в хозяйстве, добротнo выполняя полевые работы, угождал нраву и требованиям вспыльчивого хозяина. Но и хозяин не мог нахвалиться добротностью своего коня Серого, всячески поощрял его трудовое усердие, кормил, не жалея овса и сена. По ночам частенько вставал, подсыпал в кормушку овса, подмешивал в колоде к корму отруби, сдабривая корм мучной посыпкой.

Выстроив дом на Лесной улице и отделив в него сноху Анну Пенкриху, Василий со своей семьёй теперь занял весь дом. Нижний этаж остался для повседневного пребывания семьи и как кухня, а верхнюю комнату, переоборудовав, он приспособил для торжеств во время праздников и к приёму гостей. Верхняя комната стала семейной горницей. В потолке нижней избы и в полу верхней комнаты Василий Ефимович прорезал отверстие, огородил его перилами с точеными балясинами. Сам смастерил в десять ступенек с точеными балясинами лестницу и установил ее для внутреннего сообщения между обоими помещениями: верхней и исподней.

Из теплых сеней в нижнем этаже Василий сделал третью жилую комнату, которую назвали прихожей. В ней была сложена печь-лежанка. Она служила подсобным помещением и как мастерская.

Теперь дело стало за двором. Василий задумал построить такой двор, чтоб было всем на диво, и он его построил. Всю эту зиму он занимался заготовкой лесоматериала. Со станции, с лесопильни завода возил тес, из леса возил на Сером бревна, слeги и жерди. А в погрузке бревен и теса Василию Ефимовичу помогал сын Минька. Обличьем черненький, Василия Ефимовича первенец Минька весь в отца, в мускулах. Не по годам изрядная накапливалась сила, и отцово подзадоривание создали азарт в молодом парне. Он целыми днями увлечённо занимался трудом, помогая отцу. Василий радовался, что сын такой сильный и ловкий в делах. Он горделиво восхвалялся перед мужиками:

– Вот и помощника себе нажил! Не парень, а орел! – ликовал он.

А мать, нахваливая сына, бабам говорила:

– У нас Минька-то целыми днями с отцом бревна да тес возит. Дюжий, не сдаётся! Такой сильный, отцу не уступает! – горделиво расхваливала она Миньку.

– От натуги при погрузке бревен, у Миньки-то даже рубаха на плечах лопнула, пришлось отцову подать, хоть она ему и великовата, да ничего, женить-то ведь еще не скоро, – продолжала ликовать она перед бабами.

Непосильная работа не прошла даром для парня. От натуги ночью у него открылись боли в животе, парень заклохтал, заохал. Ужом извиваясь по постели, он руками гладил оголенное брюхо. Вся семья всполошилась. Мать, глядя на корчившегося от боли сына, заплакала, укоризненно упрекала Василия:

– И что ты такого малолетка бревна вoрочать заставляешь! Он ведь еще совсем ребенок!

Василий сам не в меру расстроенный, оправдывался:

– Так ведь он сам по глупости поднатужился, вот и получилось с ним!

Бабушка Евлинья, стараясь чем-то помочь внуку, решила накинуть ему на живот горшок. Опряденый хлопок она подожгла спичкой, всунув его в горшок, поспешно приложила горшок к жидковатой брюшной коже Миньки. Минька, ойкнув, стал наблюдать, как в горшок засасывает полбрюха. В животе у Миньки полегчало. Видя, что Минька повеселел, отец, чтоб смягчить свою вину, с похвалой позволил себе высказаться о силе сына:

– Вообще-то он молодец! Силу в себе чувствует. Ты, говорит, пап, берись за вершину, а я под комелек подберусь.

– Вот и сбедил парня-то! – озабоченно причитала мать.

Бабушка Евлинья, хлопоча около больного, успокаивающе приговаривала:

– Горшок-то самое полезительное дело от срыва в животе. Первое средство! Как рукой снимет. Только бы понос не открылся, а то все пройдет, бог милостив.

– А, может, бы в больницу? – с печальной тревогой заметила мать.

– Вот еще чего выдумала! С таким пустяком скорее и в больницу! – обрушился на нее отец, не любивший вообще обращаться к врачам.

– У него и так все пройдет. Поваляется на постели денька два, и отудобит. Так что ли я говорю, Минька?

– Так, – облегченно ответил немножко повеселевший Минька.

– До свадьбы-то все подживёт, – с шутливостью улыбаясь, заметил отец и пошёл во двор, присмотреть за скотиной, подбросил корове сена и Серому подсыпать овсеца.

Денщики и воры

Жизнь в селе шла своим чередом. Парни женились, девки выходили замуж, дети нарождались, дети и помирали, помирали и взрослые. То мужик обопьётся, то парень умрет от «переворота кишок» то баба умрет в одночасье...

Плохие бытовые условия деревенской жизни пагубно влияли на жизнь детей. Марля с жеваным хлебом, коровий рог с соском от коровьего же вымя, грязь, мухи, клопы, тараканы, загаженное тряпье и провонявшая от мочи солома в лубошной зыбке – вот обиталище и принадлежности для существования и жизни деревенского ребенка. В летнюю пору зачастую ребенок оставлялся на попечение маломощных глухих старух или же на малолетних нянек, которые, порой, будучи еще и сами детьми, заигрывались и забывали о порученном им ребенке. Или забывали его покормить, или же забывали его целый день попоить. Были случаи, дети помирали в зыбке от жажды. А мать, накормив досыта грудью ребенка утром, на весь день уезжала в поле или на сенокос, или на жнитво.

Да и сами матери, работая до упаду и невзрачно питаясь, иногда мякиной, лебедой и желудями, были исхудалыми и тощими, не способными скопить надобное количество молока в грудях для своего ребенка.

Здоровые от природы дети выживали, а слабые помирали. Происходил как бы естественный отбор, в основе которого неумолимый закон природы, борьба за существование заложена в живом организме способность бороться за свое существование. Живи – нет, помирай!

Почти каждый день относили маленькие гробики с мертвыми детьми на кладбище. Из домов на улицу выходили бабы, в скорбном молчании унылым взглядом сопровождали они небольшие похоронные процессии, крестились вслед. Осведомлялись друг у друга:

– Эт, чьево маленького-то хоронют?

– Да у Марьи мальчик умер, – отвечали из толпы.

Если у матери умирал единственный и последний ребенок, то ей, сожалея, сочувствовали. Если же ребенок умер, только убавив целую ораву детей – в адрес ее говорили:

– Какая Марья-то счастливая, хоть на одного да поубавилось, а то, как только она, бедная, с такой обузой справляется, – вздыхая, высказывались бабы. По привычке забавляясь с ребенком, который в минуты блаженства, беззаботно играя, протягивался на лавке, любящая мать или довольная бабушка своему улыбающемуся детищу скажет умиленную любезность:

– Эх, какой тебе гробик-то надо!

Детей хоронили без отпевания и колокольного звона. Их безвинные души уподоблялись ангельским. А порой троекратный удар в большой колокол на колокольне извещал о кончине взрослого человека, одного из жителей села, ушедшего из мира сего в загробную жизнь. Любопытные, особенно падкие до новостей бабы, выходили на улицу, взаимно друг дружку спрашивали:

– Эт кто умер?

– Да вот, слышь, Емельян.

– Ну-у-у!!! – это значит, в Шегалева.

– Царство ему небесное! – перекрестившись, желали скончавшемуся христианину, односельчанину.

По новопреставленному справляли поминки, отмечали девять и двадцать дней, справляли сороковины, а также отмечали годину.

Почему же баба узнала, что умер именно шегалевский мужик Емельян? Да потому, что таких имен в первом обществе не было, а они были только в Шегалеве. Этот вопрос имеет историческую давность. Дело в том, что еще в прошлом столетии бывший в то время мотовиловский поп Василий, отец нынешнего попа Николая, попросил у шегалевских мужиков, чтоб они ему нарежали землю поближе к дому – одворицу. Мужики воспротивились этому. Поп на них осердился и при крещении шегалевских младенцев давал им имена не по просьбе родителей, а строго по святцам: в какой день производилось крещение, имя присваивалось новорожденному такое, какой был святой в этот день. Поэтому-то и появились в Шегалеве обособленные имена: Елисеи, Ерофеи, Емельяны, Кондратии, Евстрафии, Филиппы, Онуфрии, Трофимы.

Об опойцах (которые опивались вином или самогонкой) в колокол не звонили, их не отпевали. Их даже не позволялось хоронить на общих христианских кладбищах. Их просто зарывали в бору, как это сделали с неким Сипатром.

Были случаи, что некоторые жители села, мотовиловцы, помирали не своей смертью, а погибали при несчастных случаях, как это случилось с Иваном Аникиным. Он, будучи пьяным, уснул в избёнке мельницы его отца Федота. В избёнке случился пожар, а сын его, тоже Ванька, вместо того, чтобы спасти сонного, пьяного отца, взял, да и оставил его в горящей избёнке. Избёнка сгорела. Иван превратился в головешку. А старик, Комаров Михаил, погиб на крючке, на самом обыкновенном проволочном крючке, на который обычно вешают лампу. Как ему самому угораздило засунуть этот крючок себе в рот, никто не знает, только кончилось это тем, что он, промучавшись более суток, умер. Крючок подпилком отпилили, а его схоронили.

Водились по дорогам разбойники и грабители. Были и убийства. Одного шегалевского мужика, Михаила, убили за деньги, с которыми, якобы, он поехал на базар в село Вад. Грабители его убили ночью на дороге, денег при нем не нашли. Лошадь с санями и с убитым в них хозяином пришла к своему дому, остановилась у своих ворот. Убитый вскоре же был обнаружен, при общем крике семейства. А деньги оказались целыми. Они были спрятаны в условленное (для домашних) место. Они находились под хомутной покрышкой. Грабители-убийцы их найти не могли: карманы обшарили, а в хомуте поискать не догадались.

Нередки были случаи посещения Мотовилова разнородными прохожими и нищими. А кто его знает, то ли он нищий, то ли он только прикинулся прохожим, а сам глядит, высматривает, что где плохо лежит. Как-то, Савельевы Василий и Любовь уехали в город – кое-что купить для хозяйства и сделать покупки для семьи и ребятишкам. Бабушка Евлиния домовничать за старшего. В первую очередь, она дала распоряжение:

– Санька, сходи-ка во двор, принеси дрова, галанку затопим, а то что-то у нас холодновато стало, а ты, Машенька, возьми косырь, да нащепай лучины, сейчас затоплять будем.

Голанку в верхней избе затопили, стало теплее и уютнее. Минька где-то загулялся, его ждать не стали, после ужина заперлись. Вдруг в окно кто-то забарабанил.

– Кто там! – отозвалась на стук бабушка.

– Эй, хозяйева! Пустите в избу!

– Кто тут! – переспросила бабушка, выйдя в сени, шуба внакидку.

– Пустите обогреться! Погибаю! – жалобный голос за сенной дверью.

– Проходи. Откудова будешь, родименький? – стала допытываться бабушка у прохожего, когда тот вошёл в избу.

– Не дайте погибнуть, спасите ради Христа! На улице холодище, прямо-таки беда! Прохожий я, пробираюсь домой в Архангельскую губернию, – стал пояснять прохожий, немножко выждав время и зорко осматривая внутренность избы по углам. Санька, Манька, Ванька и Васька с детским любопытством разглядывали незнакомца, а сердобольная бабушка захлопотала, засуетилась, с чувством сожаления продолжала разговор:

– Эх, куда тебе идти-то! Туда, чай, не ближний свет, небось потопаешь! – сочувственно ужасалась она.

– Да, тысяча верст с гаком, пожалуй, будет, – уточнил прохожий.

– Ты, чай, есть хочешь? – не прекращая разговор, полюбопытствовала бабушка.

– Как не хотеть, весь день не емши! – обрадовался приветливости, притворно проговорил незнакомец.

– Я сейчас похлёбки тебе налью, будешь хлебать-то?

– Как не быть, давай!

Наевшись, прохожий поблагодарил за хлеб-соль, как-то неумело перекрестился:

– Мне бы прилечь где?

– Вон на кутник ложись и спи. Я вот кафтан тебе в голове положу, а оденешься чапаном.

С вечера и к полночи прохожий что-то плохо спал. Часто в постели возился, подозрительно беспокоился. Чуткая во сне бабушка все время наблюдала за ночевальщиком, а он, как-будто задумав что-то лихое, не переставал на кутнике шарахориться... Он хотел было закурить, но бабушка, смертельно ненавидя курильщиков и не перенося запаха табака, сразу же его осадил:

– У нас в доме не курют! – строго предупредила она.

Тот затих и немножко успокоился. Установившаяся в избе тишина иногда нарушалась: то Санька выйдет на двор по своей надобности, то Ванька выйдет в сени и на крыльцо к лунке, то Васька запросится, чтоб бабушка проводила его «на двор», то Минька, пришедши с гулянья, зажигал огонь и шебушил стульями, укладываясь спать.

В полночь к Савельевым пришли денщики-караульщики: Мишка Крестьянинов и Олешка Трынков. Они дежурили со стукалкой на улице до полночи, а с полночи очередь сторожить улицу Миньке с Павлом Федотовым. Таков уж порядок заведен в селе, чтоб предохранить село от лихих людей, от краж и пожаров. А лихие люди велись повсеместно. Установлена очередность: двое соседей дежурят до полночи, а следующие двое – после полуночи, и так по очереди, по порядку домов. Отдежурившие свое время переносят специальную доску, на которой начертано «Ночной караул», от своего дома и переставляют ее к углу дома, чье наступает следующее дежурство. Минька с Павлом вышли на улицу. Обозревая дома, дворы и мазанки, стали не спеша ходить по дороге взад-вперед по своему участку: от Дунаева перекрестка до часовни у прогона, особенно тщательно следя за своими дворами. Разгоня дремоту и прыгая, греясь от мороза, они время от времени стучали в специально сделанную стукалку (принадлежность денщиков). Тем самым доказывая, что ночные стражи села не спят и не позволяют лиходеям заниматься злонамеренными темными делами.

Вдруг на них из ночной темноты нарвался незнакомый человек. Он, взволнованно прокашлявшись, спросил растерянно и неуместно:

– Слушайте-ка, вы не знаете, как тут у вас найти церковь?

– Как не знать! Ее издали видно, она у всех на виду. Вон она! – добродушно и наивно ответил ему Павел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.